

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия, архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **НАША ВЕРА**

Сограждане святым и свои Богу

Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело

Замечательный английский писатель Гилберт Кийт Честертон как-то заметил, что Царство Божие — это не новые вещи, это новые отношения. В нашем обычном языке слово «рай» говорит, скорее, о каком-то прекрасном месте; «курорты Анталии — настоящий рай! Всего 500 \$!». Рай ассоциируется с прекрасной природой, мягким климатом, сочными плодами, теплым морем. Однако есть множество примеров того, как все это вроде бы и есть — цветущий край, жить бы и радоваться — а рая все равно нет. Более того, есть что-то, больше напоминающее ад — место ненависти и мучительства. На фоне благодатной природы разворачиваются омерзительные сцены войн и бесчеловечных зверств, а ласковое солнце освещает изуродованные тела.

Что же делает рай раем? Прекрасного окружения самого по себе явно не хватает. Рай делает раем любовь; в каком-то отношении рай больше похож на семью, чем на место. Мы видим его отблески, когда видим проявления любви — заботы, верности, искреннего восхищения другим, милости и великодушия. Друзья, собравшиеся за праздничным столом; пожилые супруги, отмечающие серебряную свадьбу; мать, кормящая ребенка манной кашей; старые враги, пожимающие друг другу руки в знак примирения; медсестра, самоотверженно ухаживающая за больными — на всем этом лежит далекий отсвет небес. Небеса — это любовь, потому что Бог есть любовь.

Спасение, которое дарует нам Христос, это нечто гораздо большее, чем пропуск в некое

прекрасное место, в которое мы попадем после смерти. Это новые отношения, жизнь в новой семье, семье, глава которой — Бог. Христос делает нас своими, родными Богу; как сказал Он сам, «*ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать*» (Мф.12:50). Эта семья и есть Церковь. Апостол Павел сравнивает Церковь с телом — живым организмом, напоенным общей жизнью. Церковь — не колония бактерий, каждая из которых — сама по себе; это организм, клетки которого разделяют общую жизнь и получают эту жизнь друг через друга. Как пишет Апостол, «*ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в [составе] тела, как Ему было угодно» (1Кор.12:12-18).*

Этот образ тела может быть непонятным; мы знаем, что такое коллективизм, при котором личность подавляется во имя безличной тоталитарной машины; мы знаем, что такое индивидуализм, при котором каждый сам за себя — но нам трудно представить себе органическое, естественное единство между людьми.

ми. Иногда отблески такого единства мы видим в семье — муж и жена, брат и сестренка абсолютно непохожи друг на друга, но, но являются настолько родными друг другу, что образуют единую общность, в которой именно ее единство дает возможность проявиться уникальности каждого.

Священное Писание сравнивает отношения христианина с Богом с усыновлением, подданством или воинской службой; если Бог — действительно наш Отец, то у нас есть братья и сестры; если Христос — действительно наш Царь, то у нас есть сограждане, принадлежащие к тому же Царству, что и мы; если Он — наш военачальник, то у нас есть соратники, которые сражаются с нами плечом к плечу. Невозможно стать своим Христу и чужим — тем, кто для Него уже свои. Если мы принадлежим Христу, мы принадлежим Церкви. Вся наша духовная жизнь есть жизнь членов Церкви — и мы живем потому, что принадлежим к единому духовному телу.

Единство, не расторгаемое смертью

Но что происходит, когда наши братья и сестры отходят ко Господу? Расторгается ли наше единство? Нет; Церковь — не спасательная лодка, которую мы покинем, перебравшись на тот берег; Церковь — зародыш того единения, о котором Апостол пишет *«дабы все небесное и земное соединить под главою Христом»* (Еф.1:10). Вера и Таинства соединяет нас не только с нашими братьями и сестрами, которые совершают земной путь рядом с нами; мы входим в Церковь Пророков, Апостолов, Отцов, как говорит Апостол, *«вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу»* (Еф.2:19). Человеческие общества — полк, или корпорация, или больница — могут торжественно поминать своих основателей или наиболее выдающихся представителей, но для них они мертвы, живая связь с ними утрачена, и они могут послужить только вдохновляющим примером. Для Церкви это не так; те, кто предшествовал нам в вере не мертвы; они живы в самом прямом и несомненном смысле, более живы, чем мы. Об этом свидетельствует нам Священное Писание — например, в книге Откровения мы видим души мучеников, взывающих к Богу о событиях, происходящих на земле (Откр.6:10).

Это единство как уже отошедших к Господу, так и еще странствующих на земле христиан подчеркивается всем строем православ-

ного богослужения. Иконостас показывает святых Ветхого и Нового Заветов, а также Ангелов, молящимися вместе с прихожанами Церкви. Это не просто украшение храма — это указание на духовную реальность, участниками которой мы становимся на каждой Литургии. Литургию совершаем не только мы, собравшиеся здесь и сейчас прихожане конкретного храма со своими священниками — мы соучаствуем в приношении всего народа Божьего, поверх всех пространственных и временных барьеров, мы молимся вместе со всеми христианами по всему лицу земли, но не только с ним — также и с Матерью Божией, Апостолами, Мучениками, и всеми святыми, которые уже вошли в Царство Божие до нас. Смерть не может расторгнуть этого единства веры, потому что в центре его стоит Победитель смерти — Христос.

Можно ли молиться святым?

В свете всего этого и проясняется вопрос, который иногда смущает неправославных христиан — можно ли молиться святым? Могут ли святые подавать помощь? Нет ли в этом покушения на ясно провозглашенную Апостолами уникальность Христа, как единственного «Посредника между Богом и человеками»? Опасения, которые в этом отношении высказывают протестанты, восходят к эпохе Реформации, когда католическая практика почитания святых переживала серьезные искажения и действительно могла вызывать недоумения. Недоумения может вызвать и то, что у нас, православных, бывают люди не наставленные, как должно, в правой вере, которые выказывают совершенно безграмотный подход к почитанию святых.

Однако, если мы взглянем на наши разногласия ближе, окажется, что мы расходимся вовсе не в вопросе уникальности Христа (которую никто и не думает оспаривать), а в том, действительно ли Христос победил смерть. В самом деле, даже в тех христианских общинах, где не принято почитать святых, принято обращаться друг ко другу с просьбой о молитве; человек может поделиться своими затруднениями с собратьями и попросить «молитесь обо мне». Подрывает ли эта общепринятая практика веру в уникальность Христа как единственного Посредника? Очевидно нет — ведь люди собираются молиться не кому иному, как Христу. Чем отличается от этого просьба православного христианина «все свя-

тые, молитесь Бога о мне, грешном?». Только тем, что он обращается с просьбой о молитве к тем благочестивым людям, которые уже отошли ко Господу. Единственность Христа ставится под вопрос во втором случае ничуть не больше, чем в первом. Если можно просить о молитве наших товарищей по земному странствованию, то таким же образом — тех, кто уже вышел из тела и водворился у Господа. Если Христос действительно победил смерть — а это несомненно так — смерть не разрушает единства Его Церкви.

Но продолжают ли спасенные беспокоиться о земных делах? Есть ли им дело до наших затруднений? Давайте подумаем — у наших ближних, братьев и сестер по вере, хватает любви и заботы, чтобы молиться о нас, и мы спокойно на это рассчитываем. Когда они водворятся у Господа, иссякнет ли эта любовь? Уменьшится она или, напротив, возрастет, когда они окажутся лицом к лицу с Источником всякой любви? Если благочестивый Епископ во время своей земной жизни показывал образец заботы о своей пастве, забудет ли он о ней, оказавшись на небесах? Если подвижница милосердия посвятила свою жизнь утешению скорбящих и помощи страдающим, оставит ли она свои добрые дела, переселившись к Господу? Пути, которыми святые будут подавать нам свою помощь, могут измениться; их стремление помочь нам — никогда.

Уверенность в молитвенном общении со святыми, более того, сам опыт такого общения уже в ранней Церкви привел к возникновению практики почитания святых. Как говорит Апостол, *«Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их»* (Евр.13:7), к очень ранним временам восходит и почитание Матери Божией, о котором Она сама пророчествовала: *«отныне будут ублажать Меня все роды»* (Лк.1:48).

Канонизация святых

Почитание того или иного святого, естественно растущее из духовной жизни Церкви, приводит к канонизации — его (или ее) торжественному, общецерковному прославлению. Несомненно, у Бога больше святых, чем мы знаем; святцы — списки имен святых людей — не закрыты и не полны. Если чьего-то имени нет в этом списке, это не значит, что этот человек лишен спасения. Церковь отнюдь не назначает тех или иных людей святыми, не

во власти Церкви сделать кого-либо святым или исторгнуть из их числа. Церковь только констатирует факт святости того или иного человека, факт, который проявился в правой вере, праведной жизни, и, как правило — хотя и не всегда — в чудесах после смерти.

Эта праведная жизнь не означает совершенной безгрешности или безошибочности всех суждений; «единым безгрешным» является только сам Христос. Однако для нас очень важен тот пример жизни по Евангелию, который нам подают святые. В честь канонизированных святых слагаются церковные песнопения, в которых вспоминаются их подвиги, они изображаются на иконах. С древнейших времен составляются жития — жизнеописания святых, которые служили — и служат — примером для последующих поколений христиан.

Святые, почитаемые Церковью, были во всех веках — но в Церкви особенно много святых мучеников появилось в XX веке, в эпоху страшных гонений. Православные христиане особенно переживают свою духовную связь с теми, кто по историческим меркам совсем недавно отдал свою жизнь за Христа и Евангелие.

Мы не одни

Прийти ко Христу — значит прийти в Церковь; когда мы оказываемся за Его столом, мы обнаруживаем, что мы за этим столом — не одни. Мы присоединяемся к огромной семье, которая простирается на все континенты и на тысячелетия истории. У нас есть отцы, и матери, и старшие братья, которые помнят о нас, молятся о нас, и окружают нас своей невидимой, но несомненно реальной заботой. Писание говорит о святых как об *«облаке свидетелей»*, которые научают нас терпению и вере: *«Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия»* (Евр.12:1-2). Поэтому, вместе со всей Церковью мы взываем: «Все святые, молитесь Бога о нас!»

Сергей Худиев

Причащение – не индивидуальный акт, но общинное действие

Причащение является венцом и конечной целью Божественной литургии и, соответственно, нашего участия в богослужении. Только через причащение это участие может быть полноценным.

Мы подчеркиваем эту вещь именно потому, что на практике и в современном менталитете это понимание почти полностью утрачено. В наши дни, когда повсеместно на литургии причащаются только священнослужители, причащение верующих представляет собой уже не постоянную, но случайную и, следовательно, второстепенную цель литургии. Однако у своих истоков литургия была немыслима без причащения верующих – разумеется, тех, кто достойно готовился. Таким образом, таинство было органически и неотделимо связано с жертвой. Следовательно, причащение верующих составляло неотъемлемую и существенную часть чинопоследования Божественной литургии.

На это указывает сама структура литургии, в текстах которой черным по белому написано о причащении верующих. Так, достаточно вспомнить, во-первых, возглас при возношении святого хлеба «Святыня – святым!», затем формулу приглашения к причастию «Со страхом Божиим, и верою, и любовью приступите!» или благодарственную ектенью после причащения «Станем благоговейно! Причастившись божественным, святым, непорочным, бессмертным, небесным и животворящим, страшным Христовым таинствам, достойно возблагодарим Господа!»

В тайной молитве перед причащением священник также молится о том, чтобы Бог соблаговолил преподать священнослужителям «часть от непорочного Тела Твоего и драгоценной Крови, и через нас – всему народу Твоему», и т.д.

В чем тогда смысл и целесообразность этих литургических текстов, как не в причащении всех членов Церкви, достойно подготовившихся к принятию Святых Таин?

Таким образом, конечную цель и высшую степень участия в богослужении можно считать полностью достигнутыми только тогда, когда священник сумел собрать всю свою паству у престола и причастить их на праздничной литургии. Отсюда главная обязанность священника состоит в том, чтобы он делал все

возможное для возрождения всеобщего и регулярного (как можно более частого) причащения своих пасомых. По всей видимости, именно по этой обоснованной причине Священный Синод предусмотрел в новом Уставе Румынской Православной Церкви в числе основных обязанностей всех членов любого прихода, в дополнение к посещению храма и участию в богослужениях, причащение Святых Таин. В предписаниях из Служебника, помимо прочих обязанностей священника, также говорится о том, что ему следует призывать своих пасомых причащаться как можно чаще...

Тогда причащение будет переживаться в его истинном смысле – как общинное действие, плечом к плечу с нашими ближними, в союзе и единомыслии с ними. Литургия – это место встречи Спасителя с каждым из нас через причащение, а это возможно не иначе, как тогда, когда все собраны в храме на евхаристическую трапезу...

Вот почему духовное объединение всех христиан в единый живой организм, с единым сердцем и едиными мыслями, невозможно сегодня без возрождения всеобщего и частого причащения, которое существовало в прежние времена. К этому, в конечном счете, сводится высшая цель нашей пастырской деятельности. Эта цель, как правило, сформулирована очень точно, но не все ее правильно понимают. Эта цель состоит в воцерковлении мира. Ее суть заключается не только в том, чтобы нам приводить людей в церковь, но и в том, чтобы прививать каждому верующему сознание члена Церкви, помогать каждому глубоко переживать чувство причастности своим братьям по вере, добровольно, сознательно и действительно интегрироваться в свою общину или приход.

*Священник Ене Браниште
(Румынская Православная Церковь),
перевод с румынского
Елены-Алины Патраковой*